

П.М. Аркадьев

Неканоническое падежное маркирование субъекта литовских причастий: типология и диахрония¹

Показано, что среди балтийских языков литовский демонстрирует наиболее развитую систему конструкций аккузативного vs. дативного маркирования субъекта в качестве единственного средства выражения различия между сентенциальными актантами и сирконстантами, а также связанное с дихотомией односубъектных и разносубъектных конструкций противопоставление согласуемых и несогласуемых причастий с использованием причастий разных времен, способных сочетаться с широким спектром матричных предикатов. Кроме того, демонстрируется, что литовские причастные конструкции естественным образом допускают анализ в терминах «подчинительного» падежного маркирования, выделенного ранее применительно к австралийским языкам. С диахронической точки зрения литовские причастные конструкции с дативным и аккузативным маркированием субъекта демонстрируют конвергентное морфосинтаксическое развитие структур, восходящих к различным источникам.

Ключевые слова: причастия, падежное маркирование, полипредикативные конструкции, литовский язык, балтийские языки, финно-угорские языки, австралийские языки, типология.

1. Введение

В данной работе рассматривается «неканоническое» падежное оформление субъекта в причастных предикациях литовского языка. В конструкциях с причастным оборотом в функции актанта его субъект вы-

¹ Исследование выполнено при поддержке грантов РФНФ «Типология морфосинтаксических параметров» № 11-04-00282а и № 12-34-01345 «Синтаксис нефинитной глагольной предикации». Настоящая статья опирается на доклад автора на конференции «Типология морфосинтаксических параметров» (МГГУ им. М.А. Шолохова, декабрь 2011 г.). Я благодарю Н.В. Сердобольскую за ценные замечания к первому варианту текста.

ражается аккузативом (пример 1), а при сирконстантных причастиях субъект оформлен дативом (пример 2). При этом в обоих случаях причастие выступает в одной и той же несогласуемой форме (традиционно неудачно называемой «деепричастием»).

- (1) *Vidurnakt-i pajut-au*
 полночь-ACC.SG¹ почувствовать-PST.1SG
 [kažk-q mieg-a-nt mano lov-oje]...
 кто-то-ACC спать-PST-PA мой кровать-LOC.SG
 ‘В полночь я почувствовал, что кто-то спит в моей кровати...’
 (LKT²)

- (2) *Kodėl ne-padar-ei savo darb-o [man*
 почему NEG-сделать-PST.2SG свой работа-GEN.SG я:DAT
mieg-a-nt]?
 спать-PRS-PA
 ‘Почему ты не сделал свою работу, пока я спал?’
 (LKT)

Данное явление, хорошо известное балтистам, до сих пор не получило адекватной теоретической и типологической интерпретации. В настоящей статье литовские факты будут рассматриваться как в сопоставлении с аналогичными конструкциями родственных и географически близких языков – балтийских и прибалтийско-финских, так и в сравнении с данными языков, казалось бы, очень далеких, – австралийских. Я покажу, что такое сопоставление может оказаться весьма плодотворным для понимания представленных в литовском языке механизмов падежного маркирования и для построения общей типологии функционирования падежа в нефинитной предикации. Кроме того, литовские конструкции с «неканоническим» маркированием субъекта будут рассмотрены в диах-

¹ Сокращения: ABS – абсолютив, ABL – аблатив, ACC – аккузатив, ACT – актуальность, ADE – адессив, AGR – согласование, ALL – аллатив, AOR – аорист, ART – артикль, AUX – вспомогательный глагол, CDAT – подчинительный датив, CERG – подчинительный эргатив, CNV – конверб, COBL – подчинительный обликвус, COM – комитатив, DAT – датив, DEB – дебитив, DEF – определенность, DS – разносубъектность, ELAT – элатив, ERG – эргатив, ESS – эссив, F – женский род, FUT – будущее время, GEN – генитив, ILL – иллатив, IMMED – иммедиатив, IMP – императив, IMPL – имплицативная форма, INC – инклюзивность, INE – инэссив, INF – инфинитив, INS – инструменталис, LOC – локатив, M – мужской род, MLOC – модальный локатив, MPROP – модальный проприетив, N – средний род, NEG – отрицание, NOM – номинатив, OBL – обликвус, PA – активное причастие, PASS – пассив, PL – множественное число, POT – потенциалис, PP – пассивное причастие, PRF – перфект, PRIOR – предшествование, PRIV – приватив, PROP – проприетив, PRS – настоящее время, PRT – причастие, PRV – преверб, PST – прошедшее время, PTV – партитив, REL – релятивизация, RFL – рефлексив, SG – единственное число, TRANS – транслатив, 1 – 1-е лицо, 2 – 2-е лицо, 3 – 3-е лицо.

² Корпус литовского языка (tekstynas.vdu.lt).

ронической перспективе, поскольку их эволюция представляется весьма показательной с историко-типологической точки зрения.

2. Причастные актанты и сирконстанты в литовском языке

Причастия в литовском языке – многофункциональные глагольные формы, совмещающие глагольные и адъективные свойства [9, p. 326–372; 28; 47] и употребляющиеся в целом ряде различных конструкций. Из глагольных категорий причастия выражают в первую очередь время (настоящее, прошедшее, хабитуальное прошедшее и будущее), а из именных – согласование по роду, числу и падежу. Глагольная категория залога в литовском языке имеется только у причастий, при этом как активные, так и пассивные причастия образуются, в принципе, от любых глаголов, независимо от синтаксической переходности. В таблице 1 представлена парадигма причастий от глагола *sakyti* ‘сказать’.

Таблица 1

Парадигма причастий в литовском языке

	актив		пассив
	согласуемые	несогласуемые	
презент	<i>sakąs</i> (m), <i>sakanti</i> (f)	<i>sakant</i>	<i>sakomas</i>
претерит	<i>sakęs</i> (m), <i>sakiusi</i> (f)	<i>sakius</i>	<i>sakytas</i>
хабитуалис	<i>sakydavęs</i> (m), <i>sakydavusi</i> (f)	<i>sakydavus</i>	–
будущее	<i>sakysiąs</i> (m), <i>sakysianti</i> (f)	<i>sakysiant</i>	<i>sakysimas</i>

Причастия в литовском языке могут употребляться: 1) атрибутивно, как определение к имени или вершина относительной клаузы; 2) в качестве конвербов, т.е. вершин сентенциальных сирконстантов [33, p. 105, 113], в этой функции к причастиям примыкает специализированный согласуемый конверб одновременности с суффиксом *-dam-* [6; 21]; 3) в качестве вершин сентенциальных актантов при предикатах восприятия, речи, мнения и знания [2; 10; 22]; 4) в составе различных аналитических форм – пассива, перфекта, авертива, сослагательного наклонения [3, с. 98–112; 19; 40], и, наконец, 4) в качестве независимых предикатов в эвиденциальном значении [5].

Ниже речь пойдет только о причастных конструкциях, выступающих в функции сентенциальных актантов и сирконстантов, в которых и наблюдаются интересующие нас нетривиальные модели падежного оформления субъекта. Эти конструкции характеризуются тем, что признак «наличие/отсутствие согласования» функционирует в них как своего рода механизм «переключения референции» (switch-reference [23]): согласование присутствует лишь тогда, когда (обязательно нулевой) субъект причастия кореферентен номинативному подлежащему главной

клаузы [33, р. 113], ср. примеры 3 и 4 (корреферентные субъекты отмечены подстрочной коиндексацией), в противном случае используются несогласуемые причастия. При этом основное поверхностное различие между причастными актантами и сирконстантами состоит в падежном оформлении их субъектов: у актантов субъект выражен аккузативом, ср. примеры 1 и 5, а у сирконстантов – дативом, ср. примеры 2, 6.

Сентенциальный актанта, корреферентность субъектов:

- (3) *Pat-s Erazm-as_i sak-è-si* [Ø_i
 сам-NOM.SG.M Эразм-NOM.SG сказать-PST(3)-RFL
pa-raš-ēs od-ē toki-q
 PRV-писать-PST.PA.NOM.SG.M ода-ACC.SG такой-ACC.SG.F
paprast-q...
 простой-ACC.SG.F
 ‘Сам Эразм говорил, что написал оду такой простой...’ (LKT)

Сентенциальный сирконстант, корреферентность субъектов:

- (4) *O aš_i pajut-au didel-ĭ*
 а я:NOM почувствовать-PST.1SG большой-ACC.SG.M
palengvējim-q [Ø_i *pa-raš-ēs* *šit-q*
 облегчение-ACC.SG PRV-писать-PST.PA.NOM.SG.M ЭТОТ-ACC.SG
laišk-q.
 письмо-ACC.SG
 ‘А я испытал большое облегчение, написав это письмо.’ (LKT)

Сентенциальный актанта, некорреферентность субъектов:

- (5) *Aš spēj-u, kad direktor-ē*
 я:NOM полагать-PRS.1SG что директор(F)-NOM.SG
ītar-ē [*Violet-q pa-raš-ius t-q*
 подозревать-PST(3) Виолета-ACC.SG PRV-писать-PST.PA ТОТ-ACC.SG
skund-q].
 жалоба-ACC.SG
 ‘Я полагаю, что директор заподозрила, что Виолета написала эту жалобу.’ (LKT)

Сентенциальный сирконстант, некорреферентность субъектов:

- (6) *Deja, [vien-am pa-raš-ius jstatym-q],*
 жаль один-DAT.SG.M PRV-писать-PST.PA закон-ACC.SG
kit-as skub-a j-ĭ niekin-ti ...
 другой-NOM.SG.M спешить-prs(3) 3-ACC.SG.M ругать-INF
 ‘К сожалению, когда один [депутат] напишет закон, другой спешит его ругать...’ (LKT)

Для наглядности морфосинтаксические свойства причастных конструкций суммированы в таблице 2.

Таблица 2

Признаки актантных и обстоятельственных причастных конструкций

		согласование	оформление субъекта
односубъектные	актантные	+	∅
	обстоятельственные	+	∅
разносубъектные	актантные	–	ACC
	обстоятельственные	–	DAT

Если причастия прошедшего времени, выражающие таксис предшествования, демонстрируют полностью симметричное поведение в односубъектных и разносубъектных актантных и сирконстантных конструкциях, то в односубъектных сирконстантных конструкциях с таксисом одновременности вместо согласованных причастий настоящего времени выступает специализированный конверб с суффиксом *-dam-* [4], согласующийся по роду и числу с номинативным субъектом матричной клаузы, ср. примеры 7 и 8.

Сентенциальный актант с таксисом одновременности:

- (7) *Pedagog-ė_i pasakoj-o [∅_i dabar*
 педагог(F)-NOM.SG рассказать-PST(3) теперь
raš-a-nt-i disertacij-q ...]
 писать-PRS-PA-NOM.SG.F диссертация-ACC.SG
 ‘Педагог рассказала, что сейчас пишет диссертацию...’ (LKT)

Сентенциальный сирконстант с таксисом одновременности:

- (8) *[∅_i Rašy-dam-a apie Lietuv-q] M.Gimbutien-ė_i*
 писать-CNV-SG.F о Литва-ACC.SG М.Гимбутас-NOM.SG
rėm-ė-si mūs-ų tautosak-a bei archeolog-ų
 опираться-PST(3)-RFL мы-GEN фольклор-INS.SG и археолог-GEN.PL
darb-ais.
 работа-INS.PL
 ‘Пиша о Литве, Мария Гимбутас опиралась на наш фольклор и работы археологов.’ (LKT)

Важно отметить, что имеются многочисленные признаки [2; 10] того, что при большинстве матричных предикатов, подчиняющих разносубъектные причастные актанты, аккузативная именная группа (ИГ) входит в состав причастной клаузы и получает свой падеж в ней, а не от матричного глагола. Об этом свидетельствует, например, допустимость примеров типа 9, где обстоятельство, семантически относящееся к вложенной предикации, расположено левее аккузативного субъекта причастия, и пример 10, где аккузативный субъект занимает в причастном обороте конечную (рематическую) позицию.

- (9) *Sak-iau* [rytoj Jurg-i atvyk-si-ant].
сказать-PST.1SG завтра Юргис-ACC.SG приехать-FUT-PA
'Я сказал, что завтра придет Юргис.' [2, с. 63]
- (10) ...*ir mat-o* [nuo mišk-o atein-a-nt kareiv-i ...]
и видеть-PRS(3) от лес-GEN.SG прийти-PRS-PA солдат-ACC.SG
'...и видит, что со стороны леса идет солдат...'
[2, с. 64]

Таким образом, можно констатировать, что на синхронном уровне между актантными и обстоятельственными причастными клаузами в литовском имеются черты сходства по следующим признакам: 1) корреляция переключения референции и признака [\pm согласование]; 2) наличие синтаксической позиции для подлежащего; 3) неноминативное маркирование референциально независимого подлежащего; 4) временная парадигма, используемая для выражения таксисных значений.

3. Сходные конструкции в балтийских и прибалтийско-финских языках

В языках восточно-балтийского ареала представлены нефинитные конструкции, сходные с литовскими причастными актантами и сирконстантами, однако при более пристальном рассмотрении их свойства оказываются отличными.

Начнем с балтийских языков. В латышском языке¹ имеются причастные актанты с субъектом в аккузативе [16] (пример 12) и причастные сирконстанты с субъектом в дативе (пример 11); в обоих типах конструкций, как и в литовском, используются несогласуемые причастия.

Латышский, сентенсиальный актант, некореферентность субъектов:

- (11) *Iedomāj-o-s* [*Solvīt-u brien-am*]
вообразить:PST-1SG-RFL Солвита-ACC.SG брести-PRS.PRT
'Я вообразил Солвиту бредущей.' [17, p. 43]

- (12) [*Pēdēj-am es-ot atvaļinājum-ā*],
последний-DAT.SG.M быть-PRS.PA отпуск-LOC.SG
viņ-a darb-u veic-a Cvinger-s.
3-GEN.SG.M работа-ACC.SG делать-PST.3 Цвингерс-NOM.SG
'Поскольку последний был в отпуске, его работу выполнял Цвингерс.'
[16, p. 54]

При кореферентности субъектов в актантных конструкциях используются согласуемые причастия, ср. пример 13.

Латышский, сентенсиальный актант, кореферентность субъектов:

- (13) *Pēkšņi jut-o-s* [*lidz nespēk-am*]
внезапно чувствовать:PST-1SG-RFL до бессилие-DAT.SG

¹ Я благодарю за помощь с латышским материалом Н.В. Перкову и ряд латышских коллег, откликнувшихся на мои запросы в рассылке baltistica.

nogur-us-i].

устать-PST.PA-NOM.SG.F

‘Внезапно я почувствовала себя до изнеможения уставшей’.

[16, p. 48]

В сирконстантных же конструкциях противопоставление согласуемых и несогласуемых причастий в латышском не соблюдается: если при разносубъектности (пример 12) допускаются лишь несогласуемые причастия, то в односубъектных конструкциях наряду с согласуемыми причастием (пример 14) и конвербом (пример 15) возможно и употребление несогласуемого причастия (пример 16).

Латышский, сентенциальные сирконстанты, кореферентность субъектов:

(14) [*Paņēm-is* *Klint-u* *pie rok-as*],

взять-PST.PA.NOM.SG.M Клинта-ACC.SG за рука-GEN.SG

Olav-s *ved* *t-o* *pie liel-ā*

Олавс-NOM.SG вести:PRS.3 тот-ACC.SG к большой-GEN.SG.M.DEF
spoguļ-a.

зеркало-GEN.SG

‘Взяв Клинта за руку, Олавс ведет ее к большому зеркалу.’

[16, p. 53]

(15) *Vien-s* *iet* *pa priekšu*, [*spēlē-dam-s*

один-NOM.SG.M идти:PRS.3 впереди играть-CNV-SG.M

tād-u *maz-u* *akordeoniņ-u*].

такой-ACC.SG маленький-ACC.SG аккордеончик-ACC.SG

‘Один идет впереди, играя на таком маленьком аккордеончике.’

[31, p. 45]

(16) *Mēs_i* *vienkārši tā vienmēr priecāj-am-ies*

мы:NOM попросту так всегда радоваться-PRS.IPL-RFL

[*Ø_i* *ienāk-ot* *iekšā*].

войти-PRS.PA внутрь

‘Мы попросту всегда так радуемся, входя внутрь.’ [31, p. 45]

Помимо менее строгого противопоставления согласуемых и несогласуемых причастий, латышский отличается от литовского продуктивностью использования причастий в актантных и сирконстантных функциях. Если в литовском в разносубъектных актантных конструкциях допускаются причастия любых времен [2, с. 47–48], а в сирконстантных конструкциях различаются по крайней мере таксис одновременности и предшествования, то в латышском набор форм, допустимых в разносубъектных конструкциях, крайне ограничен. В сирконстантных причастных клаузах используется фактически лишь причастие настоящего времени на *-ot*, а в актантных – только утратившее залоговую ориентацию пас-

сивное причастие настоящего времени на *-am*. Кроме того, латышские причастные актанты сочетаются лишь с весьма ограниченным кругом матричных предикатов (преимущественно с глаголами восприятия), в отличие от литовского, где множество предикатов, способных подчинять причастные актанты, практически неограничено [10, р. 291–295]. Аналогии литовских причастных актантов с глаголами речи вроде примера 9 в латышском неграмматичны (пример 17a) и вместо них используются финитные зависимые клаузы (пример 17b).

Латышский, синтениальный актант с глаголом речи:

- (17) a. **Tu teic-i sav-u māš-u rīt*
 ты:НОМ сказать-PRS.2SG свой-ACC.SG сестра-ACC.SG завтра
atbrauc-am.
 приехать-PRS.PRT
- b. *Tu teic-i, ka tav-a māš-a*
 ты:НОМ сказать-PRS.2SG что твой-НОМ.SG.F сестра-НОМ.SG
atbrauk-s rīt.
 приехать-FUT(3) завтра
 ‘Ты говоришь, что твоя сестра завтра приедет.’

Кроме того, синтаксические тесты показывают, что аккумулятивная ИГ в примерах типа 11 скорее принадлежит главной, нежели зависимой клаузе. Об этом свидетельствует, во-первых, запрет на помещение наречия, модифицирующего причастие, перед аккумулятивной ИГ.

Латышский:

- (18) a. **Es redz-ēj-u lēni Kārl-i*
 я:НОМ видеть-PST-1SG медленно Карлис-ACC.SG
pārej-am pāri iel-ai.
 перейти-PRS.PRT через улица-DAT.SG
- b. *Es redz-ēj-u Kārl-i lēni*
 я:НОМ видеть-PST-1SG Карлис-ACC.SG медленно
pārej-am pāri iel-ai.
 перейти-PRS.PRT через улица-DAT.SG
 ‘Я видел, как Карлис медленно переходил улицу.’

Во-вторых, аккумулятивный «логический субъект» причастных актантов обычно меняет свое падежное оформление на номинатив при дебитивной форме матричного предиката [24, р. 9–62; 31, р. 39–40], как и обычный прямой объект.

Латышский:

- (19) a. *Man bij-a jā-dzird Jān-is.*
 я:ДАТ AUX.PST-3 ДЕВ-слышать Янис-НОМ.SG
 ‘Я должен был слышать Яниса.’

- b. *Man bij-a jā-dzird Jān-is/?Jān-i*
 я:DAT AUX.PST-3 DEB-слышать Янис-NOM.SG/Янис-ACC.SG
dzied-am.
 петь-PRS.PRT
 ‘Я должен был слышать, как Янис пел.’

Таким образом, в латышском конструкции с актантными причастиями не только гораздо менее продуктивны, чем в литовском, но и имеют иную (как будет показано в разделе 5, более архаичную) синтаксическую структуру, ср. схематическое представление:

- (20) а. литовский: V [NP_{ACC} V_{PRT[-AGR]}]
 б. латышский: V NP_{ACCi} [Ø_i V_{PRT[-AGR]}]

Ситуация в латгальском в целом совпадает с латышской [32, р. 93–94]. В разносубъектных причастных актантах используются исторически пассивные формы на *-am* (пример 21), хотя в более архаичных текстах встречаются несогласуемые активные презентные причастия (пример 22). Оба типа конструкций используются при глаголах восприятия и, по всей видимости, синтаксически устроены по модели 20б.

Латгальский, сентенциальный актант, некорреферентность субъектов:

- (21) *Na-jiut-u t-ū “blog-u”*
 NEG-чувствоваться-PRS.1SG ЭТОТ-ACC.SG.M БЛОГ-ACC.SG
as-am dzeiv-u.
 быть-PRS.PRT живой-ACC.SG
 ‘Я не чувствую, что этот блог жив.’ [32, р. 94]
- (22) *Atrod-a ti [barn-u, pujskinieni-u,*
 найти:PST-3 там ребёнок-ACC.SG мальчонка-ACC.SG
ziam-ia gul-ejt’].
 земля-LOC.SG лежать-PRS.PA
 ‘Они обнаружили, что там на земле лежал ребенок, мальчонка.’¹
 [32, р. 93]

Причастные сирконстанты в латгальском совпадают с латышскими, в частности, в том, что в односубъектных конструкциях допускаются несогласуемые причастия, ср. примеры 23 и 24.²

¹ Трактовка этого примера как содержащего именной, а не сентенциальный актант, а причастной клаузы, соответственно, как модификатора имени (*нашли [ребенка, [лежащего на земле]]*), невозможна, поскольку в такой структуре причастие было бы согласовано с именем по роду, числу и падежу.

² Примеров разносубъектных конструкций с дативным оформлением субъекта в доступных мне источниках обнаружить не удалось. По-видимому, конструкции *dativus cum participio* в латгальском практически вышли из употребления, что подтверждает и Н. Нау (личное сообщение).

Латгальский, сентенциальные сирконстанты, кореферентность субъектов:

- (23) [*Upīt-ē* *vuicei-dam-īs*] *suok-u* *sacerē-t*
 Упите-LOC.SG учиться-CNV-SG.M начать:PRS-1SG сочинять-INF
eilen-is...
 стихи-ACC.PL
 ‘Учась в Упите, я начинаю сочинять стихи...’ [32, p. 95]
- (24) ...[*atbolst-ūt* *latgalisk-ū* *Latvej-u*],
 поддержать-PRS.PA латгальский-ACC.SG.DEF Латвия-ACC.SG
mes *nūturē-si-m* *i saglobuo-si-m*
 мы:NOM поддержать-FUT-1PL и сохранить-FUT-1PL
latvysk-u *Latgol-u*.
 латвийский-ACC.SG Латгалия-ACC.SG
 ‘... поддерживая латгальскую Латвию, мы поддержим и сохраним латвийскую Латгалию.’ [32, p. 95]

Таким образом, несмотря на то, что причастные конструкции в современных балтийских языках обладают сходными поверхностными характеристиками: 1) использование противопоставления согласуемых и несогласуемых форм для «переключения референции» (с оговоркой о частичном размывании этого противопоставления в латышском и латгальском); 2) использование аккузативного vs. дативного оформления субъекта причастия для разграничения актантов и сирконстантов, – они различаются, во-первых, степенью продуктивности выражения таксисных отношений и, во-вторых, синтаксической структурой причастных актантов (лишь в литовском аккузативная ИГ при актантных причастиях однозначно относится к зависимой клаузе). Литовская система выделяется на фоне других балтийских 1) наиболее развитым и последовательным использованием в причастных конструкциях морфологической категории времени; 2) наиболее строгим разграничением односубъектных и разносубъектных конструкций; 3) наибольшей функциональной нагрузкой противопоставления аккузатива и датива (поскольку, в отличие от латышского и латгальского, все литовские несогласуемые причастия используются и как актанты, и как сирконстанты) и 4) максимальным параллелизмом синтаксической структуры сирконстантных и актантных причастных клауз.

Перейдем теперь к прибалтийско-финским языкам, нефинитные конструкции в которых обсуждаются в исследованиях [30, 46]. В эстонском¹ [17, p. 120, 122–123] противопоставление односубъектных и разносубъектных конструкций не морфологизовано, зато в позиции актантов и сир-

¹ Я благодарю П.А. Оскольскую и А. Карьюса за помощь в работе с эстонским материалом.

константов выступают разные глагольные формы: презентные причастия в форме партитива в актантных конструкциях (примеры 25, 26) и конвербы одновременности (примеры 27, 28) или перфектные причастия (пример 29) в сирконстантных конструкциях. Собственный субъект причастия выражается генитивом в обоих типах причастных клауз, однако в актантных конструкциях возможно также его оформление партитивом [42], ср. пример 26. Синтаксические свойства генитивной или партитивной ИГ при актантных причастиях требуют отдельного изучения, однако можно отметить, что такие конструкции в эстонском сочетаются с более широким кругом глаголов, нежели латышские, в частности, они допустимы при глаголах речи [17, p. 120].

Эстонский, сентенциальный актант, кореферентность субъектов:

- (25) *Heli_i tundu-s [Ø_i tule-va-t*
звук:NOM.SG казаться-PST.3SG прийти-PRS.PA-PTV.SG
koopa-st.]
пещера-ELAT

‘Звук казался идущим из пещеры.’ [43, p. 390]

Эстонский, сентенциальный актант, некорреферентность субъектов:

- (26) *Mari arva-s [Toomal/Toomas-t raamatu-t*
Мари:NOM.SG думать-PST.3SG Томас:GEN.SG/PTV.SG книга-PTV.SG
kirjuta-va-t].
писать-PRS.PA-PTV.SG

‘Мари думала, что Томас пишет книгу.’ [42, p. 1]

Эстонский, сентенциальный сирконстант, кореферентность субъектов:

- (27) *Õhtu-l [Ø_i toa-s istu-des] mõlde-s*
вечер-ADE.SG комната-INE.SG сидеть-CNV.PRS думать-PST.3SG
ta_i sellete kaua.
3SG.NOM это.ALL.SG долго

‘Вечером, сидя в комнате, он долго думал об этом.’ [17, p. 122]

Эстонский, сентенциальный сирконстант, некорреферентность субъектов:

- (28) [*Päikese looju-des] läk-s ilm*
солнце:GEN.SG зайти-CNV.PRS идти-PST.3SG погода:NOM.SG
jaheda-ks.
прохладный-TRANS.SG

‘При заходе солнца стало прохладнее.’ [17, с. 123]

- (29) [*Telegrammi läbi luge-nud] läk-s-id ta-l*
телеграмма:GEN.SG через читать-PRF.PA идти-PST-3PL 3SG-ADE
jalad nõrg-aks.
нога:NOM.PL слабый-TRANS

‘Когда он прочел телеграмму, у него подкосились ноги.’ [46, с. 4]

Стоит отметить, что несмотря на способность нефинитных форм в эстонских сирконстантных конструкциях различать время, ср. формы таксиса одновременности в примерах 27–28 и предшествования в примере 29, лишь конверб одновременности на *-des* допускает выраженный субъект в генитиве.

В финском [25, p. 186–187, 202], подобно литовскому, различие между односубъектными и разносубъектными конструкциями выражается с помощью согласования нефинитной формы, однако не по падежу, а по лицу и числу с помощью посессивных суффиксов (примеры 30а и 31а). Тем не менее, этот параллелизм неполный, поскольку посессивное согласование используется в финском также в тех случаях, когда собственный субъект нефинитной (сирконстантной, но не актантной) клаузы, выраженный генитивом, является местоимением, ср. пример 32. Актантные и сирконстантные предикации различаются глагольными формами – в обстоятельственных конструкциях выступает инфинитив в форме инэссива (пример 30), а в актантных – причастие (пример 31), в случае разносубъектности маркированное генитивом. Выраженный субъект вложенной предикации оформляется генитивом в обоих случаях (примеры 30b и 31b).

Финский, сентенциальные сирконстанты:

- (30) a. [\emptyset_1 *Herät-e-ssä-än*] *Pekka*₁ *oli* *sairas*.
 проснуться-*INF-INE-3* Пекка(*NOM.SG*) быть:*PST.3SG* больной
 ‘Когда Пекка проснулся, он был болен.’ [25, p. 186]
- b. [*Peka-n herät-e-ssä*] *Liisa*
 Пекка-*GEN.SG* проснуться-*INF-INE* Лиса(*NOM.SG*)
lähtee tö-i-hin.
 идти:*PRS.3SG* работа-*PL-ILL*
 ‘Когда Пекка просыпается, Лиса идет на работу.’ [25, p. 187]

Финский, сентенциальные актанты:

- (31) a. *Tiedä-n₁* [\emptyset_1 *ole-va-ni* *vanha*].
 знать:*PRS-1SG* быть-*PRS.PA-1SG* старый
 ‘Я знаю, что я старый.’ [25, p. 202]
- b. *Kuulutus kertoi* [*juna-n*]
 объявление(*NOM.SG*) сказать:*PST.3SG* поезд-*GEN.SG*
saapu-va-n Tikkurilaan.
 прибыть-*PRS.PA-GEN.SG* Тиккурила:*ILL.SG*
 ‘Объявили, что поезд прибывает в Тиккурилу.’ (http://www.vr.fi/attachments/6IWGIYrDX/matkaan_8_2013_novelliliite_painoon.pdf)

Финский, сентенциальный сирконстант, некорреферентность субъектов:

- (32) *Muu-t nukku-i-vat* [*häne-n herat-e-ssä-än*].
 другой-*NOM.PL* спать-*PST-3PL 3SG-GEN* проснуться-*INF-INE-3SG*

‘Другие спали, когда она проснулась.’ [25, p. 187]

Наконец, ливский демонстрирует наиболее близкую к латышскому ситуацию [46, p. 4–5]: в односубъектных конструкциях ливские причастия согласуются по числу и падежу (пример 33), а в разносубъектных причастных сирконстантах субъект маркируется дативом (пример 34). Обе модели очевидным образом возникли под контактным влиянием латышского.

Ливский, сентенциальный сирконстант, кореферентность субъектов:

- (33) *Je'dōviedāji brūt'ōks tu'ltō [kã'd*
 дружка:NOM.SG невеста:COM.SG прийти:PST.3PL рука:GEN.SG
ak:ōn-d]...
 держать:PRF.PA-NOM.PL

‘Дружка с невестой шли, держась за руки...’ [46, p. 5]

Ливский, сентенциальный сирконстант, некорреферентность субъектов:

- (34) [*Tã'm-ōn k'o'dō sil: lä:'dsō*] *ne so'gd-ōd*
 3.SG-DAT дом-GEN.SG в идти-CNV.ESS эти слепой-NOM.PL
tu'ltō tã'm jū'r.
 прийти.PST.3PL 3SG.GEN к

‘Когда Он вошел в дом, слепые подошли к Нему.’ [39, p. 137]

Нефинитные актантные конструкции в ливском, насколько можно судить по описаниям [30, p. 21; 39, p. 142, 147–148], сходны с эстонским (пример 35). Синтаксический статус партитивного «логического субъекта» причастия не может быть установлен точно из-за недостаточности данных.

Ливский, сентенциальный актант, некорреферентность субъектов:

- (35) *Ja nã:bōd Rīštīng Puoigō tul-m.*
 и видеть:PRS.3PL человек:GEN.SG сын:PTV.SG прийти-INF.ILL
 ‘И увидят Сына Человеческого грядущего.’

(Ūz Testament 1942, Мф. 24:30 [цит. по: 30, p. 21])

Сравнение балтийских и прибалтийско-финских языков показывает, что хотя основные параметры нефинитных зависимых клауз (противопоставление актантных vs. сирконстантных и односубъектных vs. разносубъектных конструкций) являются для них общими, их формальное выражение существенно отличается. В частности, лишь балтийские языки систематически используют падежное маркирование субъекта причастия для разграничения актантных и сирконстантных причастных клауз, причем лишь в литовском падежное оформление является, по сути, единственным средством выражения данного синтаксического противопоставления.

4. Типологическая параллель: «подчиняющий» падеж в языках Австралии

Типологические параллели к балтийским конструкциям с причастными актантами и сирконстантами обнаруживаются в самых разных языках мира, поскольку «неканоническое» оформление субъекта нефинитной предикации в принципе довольно распространено [8; 11, p. 80–81; 29; 38]. Тем не менее, для понимания наблюдаемых в литовском механизмов падежного маркирования особенно полезным представляется рассмотрение данных ряда австралийских языков. Сопоставление их с литовским, несмотря на, казалось бы, очень существенные поверхностные различия, по моему мнению, позволяет выявить более глубинные параллели.

В классической статье А. Денча и Н. Эванса [14] о падежном маркировании в языках Австралии выделяются следующие функции падежей: реляционная (*relational*, выражение семантико-синтаксической роли ИГ в предикации); приименная (*adnominal*, выражение зависимости ИГ от другого имени); референциальная (*referential*, выражение отношения между вторичным или адвербиальным предикатом и ИГ, к которой он относится); подчинительная (*complementizing*, см. подробнее ниже); ассоциирующая (*associating*, см. подробнее ниже); модальная (*modal*, выражение на ИГ категорий предиката).

Детальное обсуждение предложенной А. Денчем и Н. Эвансом типологии падежных функций в рамках данной статьи невозможно, отмечу лишь, что эта система понятий применима не только к языкам Австралии и может быть использована для описания самых различных падежных систем. Здесь меня интересуют в первую очередь подчинительная и ассоциирующая функции.

Подчинительный падеж маркирует зависимую клаузу (нефинитную или финитную) и может выражаться на тех или иных (иногда на всех) ее составляющих. Так, в языке паньтима подчинительным локативом оформлены как номинализированный предикат, так и субъект вложенной сирконстантной клаузы (пример 36), а подчинительным аккумулятивом – все составляющие актантной клаузы (пример 37).

Паньтима (семья пама-ньюнга, западная Австралия), сентенциальный сирконстант:

- (36) *nyiya jilya panti-ku minyua, [kutyia-la jilya-ngka*
 этот ребенок сидеть-PRS тихо другой-LOC ребенок-LOC
katama-nnguli-jangu-la marlpa-ngku].
 бить-PASS-REL-LOC мужчина-INS
 ‘Этот ребенок сидит тихо, пока другого ребенка бьет мужчина
 [букв. «пока другой ребенок избиваем мужчиной».’ [14, p. 23]

Паньтима, сентенциальный актант:

- (37) *Ngatha yana-ku panti-rta kumpa-ku [kangkuru-ku*
я:НОМ идти-PRS сидеть-FUT ждать-PRS кенгуру-ACC
paka-rnu-ku murrka-karta-ku].
прийти-REL-ACC болото-ALL-ACC

‘Я буду ждать, пока кенгуру не придет к болоту.’ [13, p. 85]

Не может не обратить на себя внимание сходство локативного подчинительного падежа в паньтима с хорошо известными «абсолютными» конструкциями в классических индоевропейских языках [26; 36], в частности, с «абсолютным локативом» в древнеиндийских языках, ср. пример 38 из языка пали, а подчинительного аккузатива – с конструкциями *accusativus cum participio*, представленными, например, в древнегреческом языке (пример 39). Кажется вполне разумным предположение, что в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же явлением.

Пали (индо-арийские), сентенциальный сирконстант:

- (38) [*t-esu vivad-a-nt-esu bodhisatt-o cintesi.*
3-LOC.PL спорить-PRS-PA-LOC.PL бодхисатва-NOM.SG подумал

‘Пока они спорили, бодхисатва подумал.’ [15, p. 160]

Древнегреческий, сентенциальный актант:

- (39) *kai ἡ γυνὴ ἐπορᾶ μιν ἐξίόντα*
kai h-ē gyn-ē e-por-āi min
и ART-NOM.SG.F женщина-NOM.SG PST-видеть:AOR-3SG 3:ACC.SG
eksi-o-nt-a.
выйти-PRS-PA-ACC.SG

‘И женщина видела его выходящим.’

(Геродот, История I 10:6 [цит. по: 12, p. 576])

Рассмотрим более подробно систему подчинительного падежного маркирования в языках тангкской семьи [18] (см. также не использующий понятия падежа анализ данных каядилта [35]), где, во-первых, подчинительный падеж маркирует все составляющие зависимой клаузы, включая субъект и предикат, и, во-вторых, показатели подчинительного падежа могут присоединяться «поверх» показателей других падежных функций (например, реляционной или активно представленной в этих языках «модальной», ср. явления *Suffixaufnahme* [34]). При этом, как и в балтийских языках, подчинительный падеж появляется в случае некорреферентности субъектов вложенной и матричной предикаций [18, p. 489–490, 503]. Так, в языке каядилт при корреферентности субъектов зависимая клауза не имеет никакого специального маркирования (пример 40), а при разносубъектности используется подчинительный обликвус, причем как

в актантных (пример 41), так и в сирконстантных (пример 42) зависимых клаузах.

Каядилт (тангкская семья, северная Австралия), кореферентность субъектов:

- (40) *ki-l-da_i karna-ja minal-i,* [Ø₁ *karn-marri-wu*
3-PL-NOM жечь-АКТ кустарник-MLOC трава-PRIV-MPROV
rajurri-ju]
идти-ПОТ
‘Они жгут кустарник, чтобы не ходить в траве.’ [18, p. 489]

Каядилт, некорреферентность субъектов:

- (41) *nyinka mungurr-wa* [*ngumban-inja kajakaja-ntha buka-nth*]
ТЫ:НОМ знать-NOM твой-COBL папа-COBL мертвый-COBL
‘Ты знаешь, что твой отец умер?’ [18, p. 512]

- (42) *dii-ja ngakul-da yulaa-j,* [*yarangkarr-inja*
сесть-АКТ МЫ:INC-NOM бояться-АКТ звезда-COBL
barji-jurrk]
падать-IMMED:COBL
‘Мы сели и боялись, пока падала звезда.’ [18, p. 521]

Более сложная система подчинительного падежного маркирования представлена в родственном языке юкулта, где противопоставление односубъектных и разносубъектных предикаций следует не номинативно-аккузативной (S/A), как в каядилте, а эргативно-абсолютивной (S/P) модели [18, p. 543]. Так, в примере 43 субъект (A) вложенной клаузы кореферентен абсолютивному актанту (P) матричной, и поэтому подчинительный падеж не используется. Подчинительный падеж появляется как при некорреферентности субъекта вложенной предикации какому-либо актанту главной, так и при кореферентности его эргативному субъекту (A). В первом случае используется подчинительный датив, исторически соответствующий обликусу в каядилте [18, p. 543, p. 544–547] (пример 44), а во втором случае – подчинительный эргатив (пример 45).

Юкулта (тангкская семья, северная Австралия), абсолютивный контроль:

- (43) *dangka-ya=kanda kurri-ja maku,*
мужчина-ERG=PST:3>3 видеть-АКТ женщина(ABS)
[Ø₁ *kunawuna-naba jambila-tharrba*].
ребёнок-ABL ударить-PRIOR
‘Мужчина увидел, как женщина ударила ребенка.’ (букв. «мужчина увидел женщину, ударившую ребенка») [18, p. 543]

Юкулта, несовпадение субъектов:

- (44) *dangka-ya=kanda kurri-ja maku,*
мужчина-ERG=PST:3>3 видеть-АКТ женщина(ABS)

[*kunawuna-ntha jambila-tharrba-ntha*].

ребёнок-CDAT ударить-PRIOR-CDAT

‘Мужчина видел женщину, когда ребенок ударил ее.’ [18, p. 545]

Юкулта, эргативный контроль:

(45) *dangka-ya₁=karri ngida karna-ja*
 мужчина-ERG=PRS:3>3 дерево(ABS) зажечь-АКТ
 [Ø₁ *makurrarra-wurlu-ya karna-jurlu-ya*].
 валлаби-PROP-CERG зажечь-IMPL-CERG

‘Мужчина разжег огонь, чтобы приготовить валлаби.’ [18, p. 543]

Представленная в каядилте и юкулта система подчинительного падежа сходна с индоевропейскими абсолютными причастными конструкциями в том, что и предикат (причастие в индоевропейских языках и финитная форма в тангкских), и какие-либо его зависимые (субъект в индоевропейских и все зависимые в тангкских) маркируются специальным падежом, указывающим на зависимый статус предикации. Главное отличие индоевропейских конструкций от тангкских, настолько бросающееся в глаза, что способное скрыть от исследователя глубинное сходство грамматических механизмов, состоит в морфологических свойствах падежных систем. Если во многих австралийских языках имя может одновременно нести несколько падежных показателей, более или менее прозрачным образом соответствующих разным падежным функциям [14], то в индоевропейских языках, где в составе словоформы допускается единственный падежный показатель, на выражение подчинительного падежа накладываются строгие ограничения (в обычном случае подчинительный падеж может «вытеснить» лишь номинатив). Тем не менее, четкое разграничение синтаксических механизмов падежного маркирования и морфологического выражения падежа (ср. противопоставление синтаксического и морфологического падежа [41]) позволяет убедиться в том, что параллели между австралийскими и индоевропейскими системами столь же значительны, сколь и различия между ними.

В отличие от подчинительного падежа, функция которого – маркировать зависимую предикацию, ассоциирующий падеж выступает на акантах номинализованного предиката вместо «канонического» маркирования, представленного в финитных контекстах. Основное «поверхностное» различие между подчинительной и ассоциирующей разновидностями падежного маркирования состоит в том, что если подчинительный падеж приписывается клаузе целиком и может в принципе выражаться на ее вершине, как в приведенных выше примерах, ассоциирующий падеж приписывается внутри номинализованной конструкции и никогда не выступает на самом предикате. Ср. пример 46 из языка даландьи, где аккузатив на

номинализованном предикате относительной клаузы выполняет подчинительную функцию, согласовывая предикат с его именной вершиной, а на прямом объекте относительной клаузы выступает ассоциирующий датив.

Даландьи (семья пама-ньюнга, западная Австралия):

(46) *ngatha nhaku-nha* [*kanyara-nha* [*murla-ku*

Я:НОМ видеть-РСТ мужчина-АСС мясо-DAT

warni-lkitha-nha]].

резать-REL.DS-АСС

‘Я видел мужчину, режущего мясо.’

[14, p. 31]

Несмотря на то, что на первый взгляд в литовских конструкциях с несогласованными причастиями и аккузативным или дативным маркированием субъекта скорее выступает ассоциирующий падеж (на это вроде бы указывает отсутствие согласования причастия с субъектом), тем не менее, есть основания считать эти конструкции случаем именно подчинительного падежа. Во-первых, аккузатив и датив в литовском используются в качестве показателей синтаксического типа клаузы в целом (см. формальное описание [2, с. 70–71; 10, p. 326–328]), что характерно именно для подчинительного падежа. Во-вторых, как будет показано в следующем разделе, литовские причастные клаузы исторически восходят к конструкциям с согласованием причастий с субъектом по падежу, т.е. опять же к типичным случаям подчинительного падежного маркирования. Ассоциирующий же падеж представлен в другом типе литовских причастных клауз – в конструкциях с пассивными причастиями, где субъект оформляется генитивом, ср. пример 47, параллельный по своей структуре примеру 46.

Литовский, пассивное причастие с выраженным субъектом:

(47) ...*kuri-as* *yra* *mač-ius-i* [*t-uo*

который-АСС.PL.F AUX.PRS.3 видеть-РСТ.PA-NOM.SG.F TOT-INS.SG.M

met-u *j-os* *skait-o-m-uose*] *žurnal-uose*...

время-INS.SG 3-GEN.SG.F читать-PRS-PP-LOC.PL.M журнал-LOC.PL

‘которые она видела в читаемых ею в то время журналах...’ (ЛКТ)

Закljučая обсуждение типологических параллелей, можно сделать вывод, что литовские причастные конструкции являют собою редкую комбинацию засвидетельствованных и в других языках морфосинтаксических признаков: 1) использование полифункциональных нефинитных форм и в актантных, и в сирконстантных предикациях; 2) подчинительное падежное маркирование, причем разное в сирконстантных и в актантных клаузах (мы видели, что прямые параллели этому относительно распространены в древних индоевропейских языках типу есть в Австралии); 3) разграничение односубъектных и разносубъектных предикаций при

помощи противопоставления, соответственно, согласования и подчинительного падежа. В следующем разделе мы рассмотрим исторические процессы, приведшие к наблюдаемой в современном литовском языке ситуации.

5. Диахроническая перспектива

Историческое развитие литовских причастных конструкций нетривиально в первую очередь тем, что оно демонстрирует процесс конвергенции изначально весьма различных синтаксических структур. Дальнейшее изложение фактов основывается в первую очередь на книге В. Амбразаса [1].

Сентенциальные сирконстанты с дативным субъектом восходят к классическому индоевропейскому типу *dativus absolutus*, в котором причастие согласовывалось по роду, числу и падежу с субъектом. Абсолютные конструкции с дативом были представлены, в частности, в древних славянских языках [7; 45, р. 213] (ср. древнерусский пример 48), и в готском (пример 49).

Древнерусский, *dativus absolutus*:

(48) *К вечеру же одолюъ Ярославъ. а Стополкъ бѣжа. и [бѣжащю ему] нападе на нь бѣсъ.*

‘К вечеру победил Ярослав, а Святополк бежал. И пока он бежал, на него напал бес.’

(Повесть временных лет, стб. 144–145 [цит.: по 7, с. 15])

Готский, *dativus absolutus*:

(49) [*βata imma rodj-and-in* *manag-ai*
это 3SG.DAT.M говорить-PRS.PRT-DAT.SG.M много-NOM.PL.M
galaubi-ded-un imma.

верить-PST-3PL 3SG.DAT.M

‘Когда Он говорил это, многие уверовали в Него.’

(Codex argenteus, Ин. 8:30 [цит. по: 28, р. 5])

В старолитовских текстах сирконстантные причастные обороты с согласованными причастиями были весьма употребительны [1, с. 163–179; 22], ср. примеры 50 и 51.

Старолитовский, *dativus absolutus* с согласуемыми причастиями:

(50) [*Bet Petr-ui atai-us-iam* *ing Antiochi-a*],
но Пётр-DAT.SG прийти-PST.PA-DAT.SG.M в Антиохия-ACC.SG
passisteng-iau esch ing ak-is.

предстать-PST.1SG я:НОМ в глаз-ACC.PL

‘Когда же Пётр пришёл в Антиохию, то я предстал перед ним.’

(Bretkūno Biblija 1579–1590, Гал. 2:11 [цит. по: 1, с. 164])

- (51) [*Ir reg-i-nt-iemus an-iemus*] *gh-is-sai*
и видеть-PRS-PA-DAT.PL.M 3-DAT.PL.M 3-NOM.SG.M-DEF
usseng-e dang-un-a.
взойти-PST(3) небо-ACC-ALL

‘И пока они смотрели, Он поднялся на небо.’

(Bretkūno Postilè 1591, II:1023 [цит. по: 1, с. 169])

Тем не менее, уже в старолитовских текстах XVI в. встречаются сир-константные конструкции с несогласуемыми причастиями, подобные современным (пример 52). К XIX в. конструкции с согласуемыми причастиями полностью вышли из употребления [1, с. 171].

Старолитовский, *dativus absolutus* с несогласуемым причастием:

- (52) [*Ir an-iemus iei-us karali-aus-pi*], *biloi-a*
и 3-DAT.PL.M войти-PST.PA царь-GEN.SG-ADE сказать-PST(3)
iemus karali-us.
3:DAT.PL.M царь-NOM.SG

‘И когда они вошли к царю, сказал им царь.’

(Bretkūno Biblija 1579–1590, III Цар. 1:32–33 [цит. по: 1, с. 166])

Актантные причастные обороты с аккузативным субъектом также восходят к структурам с согласованными причастиями, однако в ходе своего развития они претерпели более значительные изменения. Исходно причастие было согласованным аппозитивным определением к прямому объекту глагола восприятия или ментального отношения [1, с. 141–163; 37, р. 86–98; 44] (ср. обсуждавшиеся выше латышские и латгальские конструкции, а также древнегреческий пример 39), см. примеры 53 и 54.

Старолитовский, согласуемые актантные причастия:

- (53) *Reg-i-m mald-a daug gal-i-ncz-e.*
видеть-PRS-1SG молитва-ACC.SG много мочь-PRS-PA-ACC.SG.F

‘Мы видим, что молитва многое может.’

(Bretkūno Postilè, II 99 [цит. по: 1, с. 143])

- (54) *Atmin-k man-e gerai giwen-us-i ... ir*
помнить-IMP я-ACC хорошо жить-PST.PA-ACC.SG.M и
dar-ius-i k-as taw intjkk-a.
делать-PST.PA-ACC.SG.M что-NOM.SG ты:DAT нравиться-PST(3)

‘Помни, что я хорошо жил ... и делал, что тебе нравилось.’

(Bretkūno Postilè, II 426, [цит. по: 1, с. 143])

В свою очередь такие причастные конструкции восходят к аппозитивным структурам с предикативными именами (существительными, прилагательными и причастиями), широко представленными и в старолитовском (пример 55), и в современном языке (пример 56) [21].

Старолитовский, аппозитивные предикатные имена:

- (55) a. *Ischwid-a i-ūs ne linksm-us.*
увидеть-PST(3) 3-ACC.PL.M NEG счастливый-ACC.PL.M
'[Иосиф] увидел, что они невеселы.'
(Bretkūno Biblija, Быт. 40:6 [цит. по: 1, с. 146])
- b. *Szinn-a an-us ne-giw-us.*
знать-PRS(3) TOT-ACC.PL.M NEG-ЖИВОЙ-ACC.SG.M
'Они знают, что те мертвы.'
(Bretkūno Biblija, Вар. 6:41 [цит. по: 1, с. 146])

Современный литовский, аппозитивные предикатные имена

- (56) a. *Vien-q ryt-q tėv-ai Malvin-os*
один-ACC.SG утро-ACC.SG отец-NOM.PL Мальвина-GEN.SG
kambar-į rad-o tušči-q.
комната-ACC.SG найти-PST(3) пустой-ACC.SG
'Однажды утром родители обнаружили комнату Мальвины
пустой.'
(LKT)
- b. *Kaip šiandien j-is mat-ė sav-e student-q.*
как сегодня 3-NOM.SG.M видеть-PST себя-ACC студент-ACC.SG
'Как сегодня, он видел себя студентом.'
[20, p. 49]

Развитие конструкции «аккузатив с причастием» состояло в двух отдельных процессах: во-первых, в расширении множества допускающих конструкцию предикатов и в реинтерпретации аккузативного прямого объекта матричного глагола как субъекта причастной клаузы [1, с. 150–151], ср. схему 57a; во-вторых, в вытеснении согласуемых причастий несогласуемыми по аналогии с сирконстантными конструкциями, ср. схему 57b.

- (57) a. $V \text{ NP}_{\text{ACC}i} [\emptyset_i V_{\text{PRT}[+\text{AGR}]}] \rightarrow V [\text{NP}_{\text{ACC}} V_{\text{PRT}[+\text{AGR}]}]$
b. $V [\text{NP}_{\text{ACC}} V_{\text{PRT}[+\text{AGR}]}] \rightarrow V [\text{NP}_{\text{ACC}} V_{\text{PRT}[-\text{AGR}]}]$

В терминах типологии падежных функций из работы А. Денча и Н. Эванса [15, p. 28], при синтаксическом переразложении конструкций «аккузатив с причастием» произошел переход от одной разновидности подчинительного падежа, которую можно назвать «согласуемой» (C-complementizing case, появляющийся при падежном «согласовании» зависимой клаузы с составляющей матричного предложения, к которой она относится), к другой – «независимому» подчинительному падежу (T-complementizing case), не связанному ни с какой ИГ в главной предикации.

Хронологически процесс расширения и переразложения конструкций с актантными причастиями, скорее всего, предшествовал морфологической перестройке самой причастной формы. Об этом говорит, во-первых,

то, что уже в старолитовском конструкции с согласуемыми актантными причастиями были допустимы при матричных глаголах речи (пример 58), что свидетельствует о довольно продвинутой стадии их функционального расширения.

Старолитовский, согласуемое актантное причастие при глаголе речи:

- (58) *T-ûs sak-o-me nûg ischganim-a*
 тот-ACC.PL.M сказать-PRS-1PL от спасение-GEN.SG
amszin-oia atpûl-us-ius.
 вечный-GEN.SG.M.DEF отпасть-PST.PA-ACC.PL.M

‘О них мы говорим, что они отлучились от вечного спасения.’
 (Margarita Theologica 1600, Praef. 6:4 [цит. по: 1, с. 143])

Во-вторых, употребление согласованных причастий до сих пор допускается в литературном литовском языке при аппозитивной модификации прямого объекта глаголов восприятия и особенно глагола *rasti* ‘найти’, ср. пример 59, параллельный примеру 56а.

Современный литовский, согласуемое аппозитивное причастие:

- (59) ... *mokytoj-q rad-au susiruoš-usi-q*
 учитель(F)-ACC.SG найти-PST.1SG приготовиться-PST.PA-ACC.SG.F
išvažiuo-ti.
 уехать-INF

‘Я обнаружил учительницу приготовившейся уехать.’ (LKT)

Тем не менее, поскольку, как мы видели, в латышском конструкции с актантными причастиями сохраняют более раннюю синтаксическую структуру, в которой аккузативная ИГ демонстрирует свойства прямого объекта матричного предиката, но причастия при этом утратили согласование, морфологическую перестройку причастий и синтаксическое переразложение стоит скорее считать независимыми процессами.

Тот факт, что актантные причастия утратили согласование по аналогии с сирконстантными, подтверждается, в частности, старолатышскими данными: если в старолатышских текстах согласуемые актантные причастия употреблялись довольно активно, ср. пример 60, то в обстоятельственных конструкциях уже в самых старых текстах выступали лишь несогласуемые причастия [1, с. 171], ср. пример 61.

Старолатышский, согласуемое актантное причастие:

- (60) *t-e zinna-ia wini-û esse-t-u*
 тот-NOM.PL.M знать-PST(3) 3-ACC.SG.M быть-PRS-PA-ACC.SG.M
Christ-um.

Христос-ACC.SG

‘... они знали, что Он был Христос.’

(Elgers Evangelium 1671, Лк. 4:41 [цит. по: 1, с. 143])

Старолатышский, несогласуемое сирконстантное причастие:

(61) [*Un wign-am us Semm-es iseij-ohť*]

и 3-DAT.SG.M в земля-GEN.SG выйти-PST.PA

sastapp-a t-am ween-s Wihr-s.

встретить-PST(3) тот-DAT.SG.M один-NOM.SG.M мужчина-NOM.SG

‘И когда Он выходил на берег, встретил Его один человек.’

(Glücks Bibel, 1685–1689, Лук. 8:27 [цит. по: 1, с. 166])

Таким образом, мы видели, что в развитии литовских актантных и обстоятельственных причастных конструкций взаимодействовали несколько процессов, проходивших одновременно и в немалой степени независимо друг от друга: 1) на уровне морфологии – возникновение несогласуемого причастия; 2) на уровне синтаксиса и семантики – функциональное расширение и реинтерпретация конструкции «аккузатив с причастием», при котором ИГ, первоначально входившая в состав матричной клаузы, стала субъектом вложенной, а сама причастная конструкция из модификатора имени превратилась в составляющую целого предложения; 3) аналогическое распространение несогласуемых причастий с сирконстантных клауз на актантные. Все эти исторические тенденции привели к тому, что исходно различные причастные конструкции приобрели значительную степень структурного изоморфизма, и к возникновению новой категории переключения референции, выражающейся наличием vs. отсутствием согласования у причастия.

6. Заключение

В данной статье были рассмотрены морфосинтаксические особенности литовских сентенциальных актантов и сирконстантов, возглавляемых причастиями, их типологические параллели и историческое развитие. Основными особенностями литовских конструкций является использование противопоставления согласуемых и несогласуемых причастий для кодирования, соответственно, тождества и различия субъектов матричной и вложенной предикаций, и маркирование синтаксического статуса причастной клаузы при помощи падежного оформления ее субъекта: субъект актантных причастий выступает в аккузативе, а сирконстантных – в дативе.

Несмотря на то, что сходные конструкции встречаются как в других языках Восточной Балтии (балтийских и прибалтийско-финских) и в ряде древних индоевропейских языков, так и в других ареалах, в частности, в Австралии, литовские причастные конструкции нетривиальны тем, что падежное маркирование субъекта является фактически единственным формальным средством, указывающим на синтаксический статус (актантный vs. сирконстантный) клаузы. При этом, хотя в родственных литов-

скому латышском и латгальском представлены поверхностно сходные конструкции, более внимательное их изучение показывает, во-первых, что в этих языках они более ограничены как с точки зрения допустимых в их составе нефинитных форм, так и в круге допускающих их матричных предикатов (последнее касается лишь актантных причастных конструкций), а, во-вторых, что лишь в литовском аккумулятивная ИГ, выступающая в конструкциях с причастными актантами, синтаксически входит в состав вложенной клаузы, а не является объектом матричного глагола.

С исторической точки зрения эволюция литовских причастных конструкций интересна в первую очередь тем, что происходившие в ее ходе изменения на разных уровнях языка – морфологии (утрата согласовательного словоизменения), синтаксиса (переразложение конструкций «аккумулятив с причастием») и семантики (функциональное расширение конструкций «аккумулятив с причастием») – привели к грамматической конвергенции изначально весьма различавшихся структур, которые на синхронном уровне демонстрируют высокую степень параллелизма.

Сопоставление литовских (и, шире, индоевропейских) причастных конструкций с материалом австралийских языков показывает, что в этих, казалось бы, совершенно разных случаях можно усмотреть один и тот же механизм падежного маркирования, который я предлагаю, вслед за А. Денчем и Н. Эвансом [14], называть «подчинительным падежом». Представляется, что использование разработанной применительно к языкам Австралии таксономии падежных функций может оказаться чрезвычайно продуктивным при анализе самых разных падежных систем.

Библиографический список

1. Амбразас В. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Vilnius, 1990.
2. Аркадьев П.М. Проблемы синтаксиса конструкций «*accusativus cum participio*» в литовском языке // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 44–75.
3. Аркадьев П.М. Аспектуальная система литовского языка (с привлечением ареальных данных) // Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий / Под ред. В.А. Плуногяна. (Acta Linguistica Petropolitana. T. VIII. Ч. 2). СПб., 2012. С. 45–121.
4. Вимер Б. Таксис и коинциденция в зависимых предикациях: литовские причастия на *-damas* // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе / Под ред. В.С. Храковского, А.Л. Мальчукова, С.Ю. Дмитренко. М., 2004. С. 53–73.
5. Вимер Б. Косвенная засвидетельствованность в литовском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / Под ред. В.С. Храковского. СПб., 2007. С. 197–240.
6. Вимер Б. Таксис в литовском языке // Типология таксисных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. М., 2009. С. 161–216.

7. Живов В.М. Референтная структура и порядок слов: дательный самостоятельный в двух древних церковнославянских текстах // *Русский язык в научном освещении*. 2008. № 1 (15). С. 5–56.
8. Сердобольская Н.В. Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации: Дис. ... канд. филол. наук. МГУ, 2005.
9. *Lithuanian Grammar* / Ed. by V. Ambrazas. Vilnius, 1997.
10. Arkadiev P.M. Participial complementation in Lithuanian // *Clause Linkage in Cross-Linguistic Perspective: Data-Driven Approaches to Cross-Clausal Syntax* / Ed. by V. Gast, H. Diessel. Berlin, NY, 2012. P. 285–334.
11. Cristofaro S. *Subordination*. Oxford, 2003.
12. Cristofaro S. A constructionist approach to complementation: Evidence from Ancient Greek // *Linguistics*. V. 46. 2008. № 3. P. 571–606.
13. Dench A. Case marking strategies in subordinate clauses in Pilbara languages – some diachronic speculations // *Australian Journal of Linguistics*. V. 26. 2006. № 1. P. 81–105.
14. Dench A., Evans N. Multiple case-marking in Australian languages // *Australian Journal of Linguistics*. V. 8. 1988. № 1. P. 1–47.
15. Duroiselle Ch. *Practical Grammar of the Pāli Language*. 3rd ed. Buddha Dharma Education Association, 1997.
16. Eiche A. *Latvian Declinable and Indeclinable Participles. Their Syntactic Function, Frequency and Modality*. Stockholm, 1983.
17. *Estonian Language* / Ed. by M. Erelt. Tallinn, 2003.
18. Evans N. *A Grammar of Kayardild with Comparative Notes on Tangkic*. Berlin, NY, 1995.
19. Geniušienė E., Nedjalkov V.P. Resultative, passive and perfect in Lithuanian // *Typology of Resultative Constructions* / Ed. by V.P. Nedjalkov. Amsterdam, Philadelphia, 1988. P. 369–386.
20. Giparaitė J. *Non-verbal Small Clauses in English and Lithuanian*. Newcastle upon Tyne, 2010.
21. Greenberg G.R., Lavine J.E. New syntax in Russian and Lithuanian: The case of the adverbial participle // *Studies in Slavic Linguistics and Folklore* / Ed. by R. Rothstein, E. Scatton, Ch. Townsend. Bloomington (IN), 2006. P. 143–170.
22. Gronemeyer C., Usonienė A. Complementation in Lithuanian // *Laying the Boundaries of Syntax: Studies in the Interfaces between Syntax, Semantics and Lexicon* / Ed. by C. Gronemeyer. Lund, 2001. P. 105–135.
23. *Switch-reference in Grammar and Discourse* / Ed. by J. Haiman, P. Munro. Amsterdam, Philadelphia, 1983.
24. Holvoet A. *Studies in the Latvian Verb*. Kraków, 2001.
25. Karlsson F. *Finnish: An Essential Grammar*. 2nd ed. London, NY, 1999.
26. Keydana G. *Absolute Konstruktionen in altindogermanischen Sprachen*. Göttingen, 1997.
27. Kim Dewey T., Syed Y. Case variation in Gothic absolute constructions // *The Role of Semantic, Pragmatic, and Discourse Factors in the Development of Case* / Ed. by J. Barðdal, Sh.L. Chelliah. Amsterdam, Philadelphia, 2009. P. 3–21.
28. Klimas A. The Lithuanian participles: Their system and functions // *Lituanus*. V. 33. 1987. № 1. P. 38–73.
29. Koptjevskaja-Tamm M. *Nominalizations*. London, NY, 1993.

30. Lees A. Non-finite verbs and their objects in Finnic // Selected Papers from the 2009 Conference of the Australian Linguistic Society / Ed. by Y. Treis, R. de Busser, 2010. URL: <http://www.als.asn.au/proceedings/als2009/lees.pdf> (дата обращения: 12.12.2013).
31. Nau N. Latvian. München, Newcastle, 1998.
32. Nau N. A Short Grammar of Latgalian. München, Newcastle, 2011.
33. Nedjalkov V.P. Some typological parameters of converbs // Converbs in Cross-Linguistic Perspective / Ed. by M. Haspelmath, E. König. Berlin, NY, 1995. P. 97–136.
34. Double Case. Agreement by Suffixaufnahme / Ed. by F. Plank. NY, Oxford, 1995.
35. Round E. Kayardild Morphology and Syntax. Oxford, 2013.
36. Ruppel A. Absolute Constructions in Early Indo-European. Cambridge, 2013.
37. Schmalstieg W.R. A Lithuanian Historical Syntax. Columbus (OH), 1987.
38. Serdobolskaya N.V. Towards the typology of raising: A functional approach // New Challenges for Typology / Ed. by A. Arkhipov, P. Epps. Berlin, NY, 2009. P. 245–270.
39. Sjögren J.A. Livische Grammatik nebst Sprachproben. (Gesammelte Schriften. Bd. II. Th. I.) St. Petersburg, 1861.
40. Sližienė N. The tense system of Lithuanian // The Tense Systems in European Languages. V. II / Ed. by R. Thieroff. Tübingen, 1995. P. 215–232.
41. Spencer A. Syntactic vs. morphological case: implications for morphosyntax // Case, Valency and Transitivity / Ed. by L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart. Amsterdam, Philadelphia, 2006. P. 3–22.
42. Tamm A. Partitive morphosemantics across Estonian grammatical categories, and case variation with Equi and Raising // Proceedings of the LFG08 Conference. Stanford, 2008. URL: <http://csli-publications.stanford.edu/LFG/13/papers/lfg08tamm.pdf> (дата обращения: 12.12.2013).
43. Tamm A. The Estonian partitive evidential. Some notes on the semantic parallels between aspect and evidential categories // Cross-linguistic Semantics of Tense, Aspect and Modality / Ed. by L. Hogeweg, H. de Hoop, A. Malchukov. Amsterdam, Philadelphia, 2009. P. 365–401.
44. Tangl E. Der Accusativus und Nominativus cum Participio im Altlitauischen: Doctoral Dissertation. Berlin, 1928.
45. Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. V. La syntaxe. Paris, 1977.
46. Wälchli B. Konverbien (Gerundien) in baltischen und ostseefinnischen Sprachen und Dialekten. Handout of the talk at “Starptautiskā konference Martas Rudzītes piemiņai”, Riga, November 2004.
47. Wiemer B. Partizipien zwischen Syntax, Semantik und Pragmatik: Ein Überblick zu aspektuellen, diathesebezogenen und diskursrelevanten Eigenschaften im modernen Litauischen // Sprachbeschreibung und Typologie / Hrsg. von B. Wälchli, F. Zúñiga. Bern, 2001. S. 65–81.